

ПЕРСОНА
ДИАЛОГ

Сергей МАКОВЕЦКИЙ: Без точки в финале

ИДИ —

НЕ ОГЛЯДЫВАЙСЯ

Без. Москва. - 2001. - 1 февр. - с. 6

Он самый молодой народный артист России и один из самых востребованных. Трудно назвать режиссера, у которого бы он не снялся или не сыграл. Производит впечатление редкостного везунчика, хотя за свою актерскую судьбу немало «простоял в углу» — играл в массовках. Обожают предпремьерное волнение — готов прийти в театр даже перед чужими премьерами, чтобы получить дозу этого «адреналина». На концертах предпочитает читать монолог Мармеладова про последние тридцать копеек, украденные у Сонечки («Не люблю со сцены рассказывать анекдоты»). Наша беседа состоялась отчасти благодаря тому, что сорвались гастроли в Киеве и в плотном расписании у Сергея Васильевича появилось маленькое окно.

ходит на сцене. Проще всего было расслабиться и ничего не делать. Но мы не стали играть на этой волне, потому что публика, как ни странно, это бы почувствовала и нас же обвинила бы в халтуре. Мы стали гасить их прием, играть нарочито серьезно, чтобы открыть им глаза. И они включились. Если бы вы знали, с каким уважением друг к другу мы потом это обсуждали. А бывает наоборот. Выходишь играть комедию, а зал, уставший от подготовки к празднику, молча на тебя смотрит. И нельзя на этот зал переть, как нельзя замерзшего человека оттаивать кипятком. Можно этот зал как-то внутренне изысканно послать и играть для себя и партнеров. И публика в момент, когда ее «послали», это почувствует, а значит, включится. Что это — талант? Гипноз? Профессионализм?

Про Библию не скажу

— Может ли ваш персонаж как-то скорректировать вашу личность?

— Жизнь это жизнь. В жизни недоразумения, страсти постепенно уничтожают человека, потому что он слаб. А на сцене страсть не забирает силу, а прибавляет, и ты уходишь за кулисы с ощущением такого счастья! Я не думаю, что сцена помогает разбираться в жизни. Можно сыграть Яго, не зная, что такое ревность, а потом в жизни заревновать и наделать свои ошибки. Я не думаю, что персонажи так уж меняют человека, иначе он стал бы как купюра, потрепанная настолько, что невозможно разобрать ее достоинство.

— У вас богатейшая коллекция режиссеров, с которыми вам довелось работать. С кем из них вам бы хотелось встретиться снова?

— Со всеми. Я боюсь кого-то не назвать. Мне с ними было хорошо.

— Только результаты получались разные. Что, к примеру, заставило вас сниматься в «Брате-2»?

— До этого у меня с режиссером Алексеем Балабановым были, между прочим, «Трофим» и «Про уродов и людей». А тут я согласился сыграть маленькую роль из-за одной сцены страха. Люди мне потом говорили, что физически ощущали мой страх. Значит, сделано. Конечно, по масштабу эта роль отличается от того же Швабрина. Не буду излишне скромничать — мне кажется, в «Русском бунте» работа получилась. И вообще это очень честный, очень русский фильм. Конечно, я играл предателя, из-

менившего присяге, перешедшего на сторону Пугачева, но у меня не сидело в голове — ах, предатель. Мы с Александром Прошкиным задавали себе разные сложные вопросы. Например, почему умный человек должен сложить голову под секирой быдла?

— К каким фильмам, книгам, музыке вам хочется возвращаться «во дни сомнений и тягостных раздумий»?

— Обожаю наше старое кино. «Простую историю» смотрел миллион раз. Люблю пересматривать хорошие американские фильмы: первую часть «Крестного отца», «Однажды в Америке», «Полет над гнездом кукушки», «Красотку». Безумно нравится смотреть, как меняются актеры в картинах Вадима Абдрашитова. Когда я впервые смотрел «Плюмбама», не верил, что такие бывают, а потом понял, как же он утадил это новое безжалостное поколение. Музыку люблю разную, в зависимости от настроения. Могу слушать и классику, и «Битлов», и легкую музыку или латиноамериканские ритмы. Книги настольной, где бы я каждый раз открывал что-то новое, у меня нет. Мог бы сказать — Библия, но не скажу.

— Вы верующий человек?

— Да, и поэтом на тему веры никогда не разговариваю.

Год за три

— Ваша мама видела все ваши спектакли?

— Не все. Она живет в Киеве, часто болеет. Я все не могу решить большой вопрос: перевезти ли ее в Москву? Мне-то станет от этого легче, а вот ей — не уверен. Говорят, старое дерево нельзя пересаживать в новую почву. Пока же обращаюсь к друзьям, даже к киевскому правительству с просьбой взять опеку над единственной женщиной — матерью народного артиста, украинца, яки помятае ридну мову. Вроде бы уже есть какое-то движение.

— Часто ли вам приходится брать в черную рамку телефоны в записной книжке?

— Ой, и не говорите! Нет уже Ленокки Майоровой, Иры Метлицкой, Марины Левтовой, Жени Дворжецкого, Маши Зубаревой, Миши Зонненштраля, Нади Кожушаной. Мне кажется, что у нашего поколения год идет за три. Почему так получилось, не знаю. Завидую по-хорошему старшему поколению — оно закаленное, хотя им выпало столько несчастий. А следующее за нами поколение — совсем другое. У нас все-таки есть защитный слой.

У них же совсем нет — ни смерти не боятся, ни жизни. Могут шагнуть с крыши просто потому, что им что-то показалось. Через все прошли слишком рано — через наркотики, грязь, секс.

— Может, лучше пораньше все пройти?

— Зачем, чтобы раньше умереть?

— Про вас говорят, что вы — герой нашего безгеройного неустоявшегося времени. Согласны?

— Отчасти да. Но я выразил это время не амёбностью, а своим троеточием, внутренней растерянностью, незавершенностью, отсутствием жирной точки в финале, что не исключает серьезного стержня внутри. Мы все не можем перейти с одного берега на другой.

— А вам не кажется, что вся эта переходность прошла, и наступает скучное время?

— Ой, мне так хочется, чтобы на переломе века, недели, месяца, тысячелетия у нас бы что-то сдвинулось и мы зажили достойно. Чтобы нас в мире зауважали. Как нас можно уважать, если мы пугаем мир своими войнами, «Курском»? Для меня та авария стала такой болью! Как можно было неделю врать людям, чтобы замести следы после неудачного испытания оружия (я уверен, что было именно так)? Как можно нас уважать, если мы до сих пор просим деньги на наши, так сказать, демократические преобразования?

Как можно не учить языки? Я вот не занимаюсь серьезно языком, и это минус мне как актеру, если я хочу раздвинуть свои рамки. А я хочу сыграть там. Но не то, что мне могут предложить как русскому, — эмигранта или бандита. Мне вынь да положь что-нибудь уровня «Форреста Гампа». Я, кстати, сыграл Дмитрия Шостаковича во французском фильме «Скрипка Ротшильда». Там все актеры играли на русском языке, хоть и с акцентом, — только титры менялись. Наши же прокатчики фильм не купили — решили, что это неинтересно. Гордости у нас нет. Фраза для журналистов «актер N снялся в Голливуде» переворачивает всем мозги, на этого актера начинают по-другому смотреть вне зависимости от роли, которую он там сыграл. А здесь на потрясающую роль могут не обратить внимания. Только я никогда не стану играть в Голливуде плохого русского.

Но я не очень-то люблю рассуждать на эти темы. Со мной лучше поговорить о Чехове, о Шекспире — и не потому что я такой хороший. А потому что это — моя жизнь.

Досье «ВМ»

Маковецкий Сергей Васильевич. Родился в Киеве (1958 г.). В 1980 г. окончил Театральное училище им. Щукина и был принят в труппу Театра им. Вахтангова, где работает до сих пор. Одновременно играет в театре Романа Виктюка, Театре Станиславского, ТЮЗе и различных антрепризных проектах. Играл в спектаклях Петра Фоменко, Романа Виктюка, Владимира Мирзоева, Камы Гинкаса. Снимался у Леонида Филатова, Киры Муратовой, Владимира Хотиненко, Алексея Балабанова, Вадима Абдрашитова, Александра Прошкина, Ивана Дыховичного. Лауреат премий «Ника» и «Золотой овен» (за роль в фильме «Макаров»). Звание народного артиста РФ получил в 38 лет. Женат, имеет сына.

Ольга ФУКС

Цыганка и актер

— Сергей Васильевич, вы довольно часто ездите на свою родную Украину, где в последнее время у русских гастролеров возникали проблемы — спектакли попросту срывались. Кем вы себя там больше ощущаете сегодня: «москалем» или своим?

— Я стараюсь об этом не думать. Приезжаю в Киев — перехожу на украинский, чувствую себя очень комфортно, что не означает, что в Киеве я бы хотел жить. Все-таки вся моя сознательная жизнь (последние 24 года) прошла в Москве. Я приехал сюда в 17 лет. У меня были наглость, азарт, хулиганство и никакого комплекса провинциала (как киевлянин я все-таки был столичным мальчиком). Прошелся по маршруту, знакомому всем абитуриентам: «Шука», «Щепка», МХАТ и ГИТИС. С Москвой у меня сразу же сложились хорошие взаимоотношения. Моя национальность — это мой темперамент, дикция, украинизмы в словах (я, например, люблю сказать «заупро» вместо «завтра»). Конечно, мне не нравится, что для разрешения спектакля на русском языке во Львове нужно специальное заседание их — чего там? — Рады. Я считаю, актеров

через все границы надо пропускать без виз.

— Знаю, что в первый же московский день вас обобрала цыганка. А что она вам нагадала?

— Она не нагадала, она обманула. Все было, как у них положено: волос с головы надо завернуть в бумажку, развернуть только через полчаса (тронешь раньше — все развалится), одна половинка потемнеет, другая покраснеет, и тогда исполнятся все желания. Иди — не оглядываясь. Я в ужасе ушел, как под гипнозом, и даже заразил своим ужасом товарища до того, что мы оба боялись дотронуться до этой бумажки. Конечно, ничего там не было.

— Как бы актерам научиться такой силе воздействия, как у той цыганки?

— Эти цыганки — великие психологи: знают, на кого они смогут подействовать. Но они не актеры. А настоящие актеры — это другое. Я никогда не забуду один наш спектакль «Лунный свет, медовый месяц» в Волгограде. Наш вылет задержали на два часа. Зрители знали, что артисты вылетели, и ждали, подогревая себя разными напитками. Настроение у них становилось все лучше и лучше. И когда мы вышли на сцену, я почувствовал этот истерический прием. Скажем «а» — они в смех, пальчик покажешь — еще хуже. Они были разогреты, заведены и сами себя будоражили, не видя, что проис-

«Мне кажется, в «Русском бунте» работа получилась». Швабрин — С. Маковецкий